

О МУЖСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (К ВОПРОСУ О ПОИСКЕ МУЖСКОГО В МУЖЧИНЕ В СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ И СМЕШИВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ГРАНИЦ И РОЛЕЙ)

Зубарев Сергей Михайлович,

Эксперт Русского Психоаналитического Общества,
Специалист Европейской Конфедерации Психоаналитической Психотерапии,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: zubr@usp.ru

Аннотация

Исследуется концепт мужской идентичности, ее аспекты: структура, демиург, трансцендентное, мысль, действие.

Ключевые слова:

человек, мужчина, инициация, родители, демиург, трансцендентное, действие.

Кто такой мужчина? Слишком широкий вопрос, попробуем его сузить: кого с точки зрения социума принято называть мужчиной? В архаических сообществах ответ очевиден: субъекта инициированного – прошедшего принятую форму специфического испытания, как минимум, общеплеменного. В цивилизованных сообществах с размытыми критериями инициаций – «культурного кода» наличествует неясность, некоторая бесформенность и масса разночтений, но ядро этого кода вычленить всё-таки можно. Поясним, почему ритуал инициации можно назвать культурным кодом. Культура – суть механизм воспроизводства личности вполне определённого типа, особо востребованного социумом в конкретных исторических условиях. Познакомившись, например, с «Венком добродетелей», многие современные читатели будут удивлены: в списке требований, предъявляемых к будущему рыцарству, нет ничего про владение оружием, воинское искусство, верховую езду, балы, турниры и геральдику. Социум предписывает «железным» воинам другие качества:

- 1) чистое воспитание – рыцарство и куртуазность;
- 2) целомудрие;
- 3) кротость;
- 4) верность;
- 5) умеренность;
- 6) осмотрительность;
- 7) стыд;
- 8) скромность;
- 9) упорство;
- 10) смирение;
- 11) терпение;
- 12) любовь (см.: [4, с. 326]).

Отсутствие данных качеств оружием не искупалось, но их сплав с «силовой составляющей» получился любопытным.

Как пример можно привести и «Хомо советикус» (в просторечии – «совок»). У «совков» тоже были дидактические тексты вроде «Пионерской клятвы», Морального Кодекса Строителя Коммунизма, Воинской Присяги и других. Этим текстам соответствовала ритуальная советская практика, формировавшая личность послушную, не рассуждающую,

отказавшуюся от индивидуальных желаний, легко мобилизуемую. «Совок» отходит в прошлое, но современное российское общество стагнирует во многом из-за отсутствия внятного представления, какой именно человек желателен этому обществу сейчас и в перспективе. С одной стороны, «сумма понимания» уже достаточна для выводов, с другой – социальная практика, поддерживаемая режимом, движется по накатанной колее, способствуя воспроизводству тоталитарного «совка» с его стойким отвращением к свободе.

Ярким примером является так называемая реформа образования.

Поскольку внятный код инициации отсутствует, стихийно его замещают тюрьма и армия, как наиболее массовые механизмы.

Но и то и другое – типичные материнские структуры, поэтому мужчин они инициировать не могут [6].

За мужественность выдаются агрессивность, брутальность, психопатическое пренебрежение к любым нормам. Квинтэссенцией такого абсурда является расхожее выражение: «Армия сделает из тебя (разгильдяя, лентяя, алкаша, невежды, наркомана) настоящего мужчину». Каким образом материнская структура может сделать из недоросля мужчину? Матери мужчин не воспитывают в принципе. Виртуальный шанс есть, если речь идёт о действующей армии или её подразделении. Но цена такого мужания может быть смертельно высокой. А в мирно разлагающейся армии никакого возмужания быть не может.

Иногда к псевдомужественности подмешивают ещё героику. Но К. Г. Юнг убедительно показал, что героичность – доблесть незрелого человека, который обречён на символическую гибель для того, чтобы мог родиться зрелый человек [17].

Итак, мужчины-отцы уводят детей от матерей и подвергают испытаниям. Символически инициация означает смерть неопита. Умирает прежнее природное существо и рождается новое – социальное и духовное.

Эта функция отрыва детей от матери чрезвычайно важна. Известен древнегреческий миф

о похищении Кору Аидом. Кора была дочерью Деметры от Зевса. Однажды юная Кора собирала цветы на лугу. Чем ещё ей было заниматься? Вдруг земля разверзлась, выскочил Аид и утащил красотку в своё подземное царство. Деметра разгневалась и пошла к Зевсу разбираться. Там она узнала, что Аид действовал не без санкции самого верховного божества, оно же папа похищенной. Далее миф повествует о тоске матери по дочери. Тоске, заставившей богиню плодородия забыть про свои прямые обязанности. Растения перестали расти и плодоносить. На Земле наступил голод. Продовольственный шантаж позволил Деметре надавить на бывшего мужа и вернуть дочь, но Аид использовал в качестве последнего аргумента гранаты. В конце концов, был достигнут компромисс: полгода – у мамы, полгода – у мужа.

Кора стала Персефоной – могучей и почитаемой едва ли не больше Аида властительницей Подземного мира. Во всяком случае, герои, посещавшие подземку, с просьбами обращались именно к ней. Муж даже не смел с тех пор изменять своей, украденной на свою же шею супруге. А уж она его рогатила со всеми, у кого был допуск на нижний этаж. А потом полгода оттягивалась у мамы. И та, помня про гранаты и семейный долг, не слишком докучала взрослой дочери [2, 3]. В общем, для похищенной девицы всё сложилось удачно. А если бы Зевс не дал той санкции? Сложился бы ещё один незаметный инцест.

Заметим, что инцест опасен не какими-то мифическими генными полонками, а остановкой развития социума, «варящегося в собственном соку». Альдо Нуаре полагает связь матери и дочери самой распространённой, но от этого не менее патологической формой инцеста [11].

В греческом мифе как будто предчувствуется опасность такого развития событий (ведь боги подают пример смертным), и необходимость отцовской волей разорвать патогенную связь.

Для России, страны мёртвых Отцов, эта ситуация более, чем актуальна. В массе некому выполнять отцовскую–мужскую задачу. Некому социализировать, некому инициировать.

Антропология

Номинальные мужчинки всё чаще остаются застарелыми инфантилами при матери. Или при материнской структуре. Основной конфликт времени проявляется не в противостоянии мужчин и женщин, «отцов и детей», этносов, конфессий, а в оппозиции инфантилов и зрелых людей. Пока что у инфантилов колоссальное преимущество.

Если не хватает личностей для исполнения жизненно важной функции, необходимо создать механизм, как советовал Ф. Бэкон в «Новом органоне» [1]. Но обсуждение данного вопроса выходит за пределы этой статьи.

Слово «мужчина» вполне нейтральное, если исключить феминистский дискурс. Но слово «мужик» амбивалентно. Оно может выражать как одобрение, так и порицание того, к кому применяется, в зависимости от доминирующей характеристики: если подчёркивается социальный статус, то он невысок, хотя и устойчив. С точки зрения аристократа, мужик – существо подчинённое, бесправное. Ниже его только маргиналы. Основное предназначение мужика – материальное, в частности, сельскохозяйственное производство. Представители «высших» сословий склонны приписывать мужику, представителю низших социальных слоёв, «низшую мораль». Об этом упоминал Ф. Ницше в своей работе «По ту сторону добра и зла». «Презрением клеймят человека трусливого, малодушного, мелочного, думающего об узкой пользе, а так же недоверчивого, со взглядом исподлобья, унижающегося, – собачью породу людей, выносящую дурное обхождение, попрошайку-льстеца и прежде всего лжеца: все аристократы уверены в лживости простого народа. «Мы, правдивые», – так называли себя благородные в Древней Греции» [12, с. 193].

Мужиком можно обзвать того, чей эстетический или гастрономический вкус не обладает, по мнению «аристократа» тонкостью и изысканностью. А поведение отличается грубостью, брутальностью, то есть, несоответствием принятым в данном кругу нормам. Иногда употребляется уничижительное «мужлан».

В криминальном мире воспроизводится упрощённая модель иерархии. «Высшее

сословие» – «воры» – не должны работать. За них работают и обеспечивают отчётность «мужики». Как и в большом социуме, они составляют основную массу. Ниже их по статусу разнообразные нарушители воровского «закона» (к отцовскому Закону относящегося номинально, а по существу являющимся вариацией материнского Каприза) [8].

Это гомосексуальная обслуга, «крысы», воровавшие у своих, сидельцы по позорным статьям и прочие провинившиеся. Мужика без повода трогать не принято. Речь в данном случае идёт о «чёрных» зонах, где доминирует воровской «закон» а не о «красных», полностью подчинённых лагерной администрации [15].

Резюмируя сказанное, отметим, что социальная роль «мужика» сводится к материальному производству. В языке это может артикулироваться в таких выражениях, как «тягловый скот», «рабочая лошадь», «быдло». У него «широкая спина», он вынесет всё, он накормит два миллиона генералов, что особенно актуально для России. А потом, за них же и проголосует.

Его задача – предписанная теми, кто претендует на верховенство – повышать их благосостояние, обеспечивать комфорт. Заметим, что в отсутствие жёстких иерархических установлений, разделение на «аристократов» и «мужиков» реализуется в демократических корпорациях, семьях, в дружеских и даже любовных отношениях.

Иное дело, если в слове «мужик» употребляется сексуальная, гендерная характеристика. В этом смысле «Граф Толстой – настоящий мужик». Заметим, что гендерный «мужик» всегда «настоящий» Причём, эта настоящность – важнейшее дополнение, без которой мужик рискует соскользнуть в свой незавидный сословный статус. Настоящий мужик – не педераст, сколь ни огорчительно это для гендерных уравнилелей.

Тут есть одна тонкость. Внимательно рассматривая, что же определяет «настоящность» мужика (в данном случае мужчина тоже хорошо встраивается в устойчивое словосочетание), обнаружим, что и здесь значительна доля материальных показателей: «Настоящий мужик

обеспечивает семью»; «У настоящего мужчины всегда есть деньги»; «Он никогда своего не упустит» и т. п., как в старом анекдоте про Сухумский заповедник, где назойливый экскурсант допрашивает экскурсовода некорректными вопросами – мужчина или женщина данный обезьян. Экскурсовод коротко бросает: «Самэц». Наконец, на очередной типовой вопрос отвечает обстоятельно. «Это самэц. Мужчина только тот, у кого есть дэньги!» Очень легко свалиться в образ мужлана, прикупившего себе статус повыше.

Да, для «настоящего» требуются умение выдерживать давление разного рода, преодолевать невзгоды, сохранять свой путь, вопреки обстоятельствам и тому подобные малозаметные снаружи навыки. Ещё от настоящего мужчины ожидается особая выразительность поступка. Повторим, не эффектность, она быстро рассеивается, а его бытийное качество. Реальное положение мужчины, меж тем, незавидно. Ольга Павлова пишет о широко распространяющейся диффузной сексуальной идентичности. «Основная фабула этой патологии – уход от реальности мужского существования в наркотики, алкоголизм, бешеное зарабатывание денег, промискуитет, перверсную сексуальность...» [14, с. 215.] Эти формы, по крайней мере, отслеживаются в социуме, поскольку затрагивают интересы множества окружающих. Но есть малозаметная окружающим, но оттого не менее патологичная инцестная форма: «... я имею в виду широко распространённую проблему отягчающей связи сына с матерью, доводящей до безумия обоих, где великовозрастное дитя с мужским телом, этакий фонвизинский «недоросль», не имеющий возможности оторваться от своей матери, влачит ежедневное мучительное существование на полном попечении, не желая при этом учиться, зарабатывать, самому пытаться строить свою жизнь. Пожалуй, это крайняя форма потери мужской идентичности в нашу эпоху» [14, с. 216]. Далее Ольга Павлова рассматривает и более мягкие формы инвалидизации мужчины, но, отвлекаясь от этой тягостной картины, попытаемся обнаружить иного мужчину. Для того и добавляем уточняющее

«настоящий», подразумевая, что остальные носители «мужчинского звания» – не подлинные. А наш поиск направлен, кажется, на нечто реликтовое, рудиментарное, или фантазийное из отдалённого будущего.

Возвращаемся к мужскому поступку, как атрибуту подлинности.

Мужской поступок противостоит не мужскому. Не по-мужски могут поступать многие номинальные мужчины. Но их поступки не называют женскими. Вообще не принято говорить: «женский поступок». Поступить «по-женски» можно. Совершить «женский» поступок – нет. При том, что женщина, безусловно, может и обладать мужеством, и действовать «по-мужски». Отметим только, что для таких действий женщине нужно пространство мужского/самостного мира. В материнском мире это не получится.

Материнский мир, состоящий из матерей и детей, развивается по естественным законам, которые дополняются материнскими же фантазиями и подчинён материнским же капризам. Только в ином – мужском/самостном мире – встречается то, что не сводится к природному началу. Именно там происходит «второе рождение» человека как неприродного (внеприродного) существа.

Потому творцами мира в мифологии всегда выступают мужские фигуры, что может вызывать недоумение у приверженцев «естественного» взгляда. Инициированный мужчина становится Мастером инициаций и чуть не в буквальном смысле формирует «профиль» будущих поколений.

Уточним, что самостный мир реально развивается в большом социуме, но и его пронизывают структуры, образованные по образцу материнской семьи, в том числе государство, церковь, школа и многие другие (см.: [6, 7]).

Демиургические черты можно обнаружить в описании Фридрихом Ницше человека «господской расы». Это люди, которые, прежде всего, действуют, устанавливают свои нормы и законы, которые потом становятся обязательными для других, «чувствуют себя мерилем ценностей, они не нуждаются в одобрении, они

говорят: «что вредно для меня, то вредно само по себе», они сознают себя тем, что вообще только и даёт достоинство вещам, они создают ценности» [12, с. 193]. Тут же упоминаются «чувство избытка, чувство мощи, бьющей через край, счастье высокого напряжения, сознание богатства, готового дарить и раздавать» [12, с. 193–194]. Показательна в этом отношении знаменитая надгробная речь Перикла, цитируемая Ф. Ницше (см.: [13, с. 265]). Кого-то из современных читателей она может шокировать, но не забудем, что это говорил об основателях европейской цивилизации один из их числа.

Заглянем чуть дальше – в трансцендентную область и предположим, что отличительной чертой мужчины настоящего является способность мыслить. Это допущение, заметим сразу, не отрицает наличие таковой способности у женщин. Просто женщины могут себе это позволить, а мужчины – должны, если хотят считаться собой.

Второй вопрос – как отличать собственно мысль от мыслеподобных состояний. «Глупость – это то, что думается в нашей голове само по себе, а не нами», – даёт блестящее определение Мераб Мамардашвили [9, с. 142]. Но это значит, что возможно такое усилие, чтобы мыслить самому. Для этого всего-навсего необходимо собирать себя как свободного трансцендентного субъекта, то есть, действовать лично, и именно действовать, а не пребывать в благостных намерениях быть добрым, справедливым, правдивым. «Недостаточно соображать в биологическом смысле слова, нужно ещё что-то. Недостаточно хотеть добра: добро – искусство, то есть сложная техника. Недостаточно хотеть истины: истина – техника» [9, с. 147]. «Добро есть нечто, что каждый раз нужно делать заново, специально, а зло делается само собой» [9, с. 201]. В своём труде М. Мамардашвили обстоятельно изложил, что есть, по его мнению, таковая техника реального вхождения в бытие. Не имея возможности охватить весь круг идей данного трактата, обратим ещё внимание на конкретные признаки мышления: оно всегда рефлексивно, то есть мыслящий сознаёт то, что он мыслит. Мышление

извлекает опыт их хаоса явлений и событий. Именно мысль может остановить дурную повторяемость дурных событий, в которых причина беды сокрыта от действующих лиц. Отчасти это комплимент психоанализу, который может быть назван техникой, пресекающей дурную повторяемость. Извлечённый опыт даёт возможность прекращающего поступка (действия).

Ещё один признак – оформленность мысли, в отличие от бесформенности, сопутствующей и заблуждениям, и злу вообще. Таким образом, оформленность, рефлексивность, проявленность мысли в поступке являются необходимыми качествами мужчины. Повторим: это не исключает возможности существования тех же качеств у женщины, но в этом случае они, скорее факультативны, чем обязательны. К тому же, проявляя названные качества женщине иногда приходится совершать компенсаторные усилия, чтобы остаться в своём «гендере». Кроме того, невозможно представлять, что такое предельное состояние включённости в бытие, как подлинная мысль, не может длиться сколько-нибудь долго. И способность к тому в данный миг вовсе не гарантирует способности в будущем. То есть, подлинность – это воспоминание и вечный экзамен. Можно сказать, инициация, вечно длящаяся, подобно агонии Христа.

Впрочем, сама попытка искать мужские характеристики в области трансцендентного парадоксальна. Но, может быть, именно тут удастся нащупать путь к своеобразной трансцендентальной инициации.

1. Бэкон Ф. Новый органон // Ф. Бэкон. Сочинения. М.: Мысль, 1977. Т. 2.
2. Гесиод. Теогония // Гесиод. Полн. собр. текстов. М.: Лабиринт, 2001.
3. Гомер. Гимны к Деметре // Эллинские поэты. М.: Худож. лит. 1963.
4. Домострой. М.: Худож. лит. 1991.
5. Инцест и кровосмешение: [сб. ст.] / пер. с фр. Н. Поповой, И. Попова. М.: Кетати, 2000.
6. Зубарев С.М. Ужасы родительства. Перемать. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.
7. Зубарев С.М. Хрустальный купол фантазий. М.: Академия, 2011.
8. Майер Р. В пространстве – время здесь... История Грааля. М.: Энигма, 1997.

9. Мамардашвили М. Философские чтения. Азбука-Классика СПб., 2002.
10. Мифы народов мира: энцикл. В 2 т. / под ред. С.А. Токарева. М.: Совет. энцикл., 1991.
11. Наури А. Инцест, не переходящий в действие // Инцест и кровосмешение: [сб. ст.] / пер. с фр. Н. Поповой, И. Попова. М.: Кстати, 2000.
12. Ницше Ф. По ту сторону Добра и Зла. М.: Акад. проект, 2007.
13. Ницше Ф. К генеалогии морали. М.: Акад. проект, 2007.
14. Павлова О.Н. Женское vs мужское: метапсихологические аспекты. Ижевск: ERGO, 2009.
15. Снегов С. Философия блатного языка // Даугава. 1990. № 11. С. 72–77.
16. Элиаде М. Тайные общества, обряды инициации и посвящения. М.; СПб., 1999.
17. Юнг К.Г. Либи́до: метаморфозы и символы. СПб: ВЕИП, 1994.
5. Incest i krovosmeshenie: [sb. st.] / per. s fr. N. Popovoj, I. Popova. M.: Kstati, 2000.
6. Zubarev S.M. Uzhasy roditel'stva. Peremat'. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2005.
7. Zubarev S.M. Xrustal'nyj kupol fantazij. M.: Akademiya, 2011.
8. Majer R. V prostranstve – vremya zdes'... Istoriya Graalya. M.: E'nigma, 1997.
9. Mamardashvili M. Filosofskie chteniya. Azbuka-Klassika SPb., 2002.
10. Mify narodov mira: e'ncikl. V 2 t. / pod red. S.A. Tokareva. M.: Sovet. e'ncikl., 1991.
11. Nauri A. Incest, ne perexodyashhij v dejstvie // Incest i krovosmeshenie: [sb. st.] / per. s fr. N. Popovoj, I. Popova. M.: Kstati, 2000.
12. Nicshe F. Po tu storonu Dobra i Zla. M.: Akad. proekt, 2007.
13. Nicshe F. K genealogii morali. M.: Akad. proekt, 2007.
14. Pavlova O.N. Zhenskoe vs muzhskoe: metapsixologicheskie aspekty. Izhevsk: ERGO, 2009.
15. Snegov S. Filosofiya blatnogo yazyka // Daugava. 1990. № 11. S. 72–77.
16. E'liade M. Tajnye obshhestva, obryady iniciacii i posvyashheniya. M.; SPb., 1999.
17. Yung K.G. Libido: metamorfozy i simvoly. SPb: VEIP, 1994.
1. Be'kon F. Novyj organon // F. Be'kon. Sochineniya. M.: Mysl', 1977. T. 2.
2. Gesiod. Teogoniya // Gesiod. Poln. sobr. tekstov. M.: Labirint, 2001.
3. Gomer. Gimny k Demetre // E'llinskie poe'ty. M.: Xudozh. lit. 1963.
4. Domostroj. M.: Xudozh. lit. 1991.

UDC 316. 347

ABOUT MALE IDENTITY (ON THE SEARCH FOR THE MALE TO MALE IN THE PRESENT SITUATION CHANGES AND BLENDING OF GENDER ROLES AND BOUNDARIES)

Zubarev Sergey Mikhaylovich,

Expert of the Russian Psychoanalytical Society,
The European Confederation of the Psychoanalytical Psychotherapy,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: zubr@usp.ru

Annotation

Search any aspects of the concept of the male to male in the gender roles in the contemporary society.

Key words:

men, Man, initiation, incest, the parent company, the demiurge, the transcendent, the thought, action.